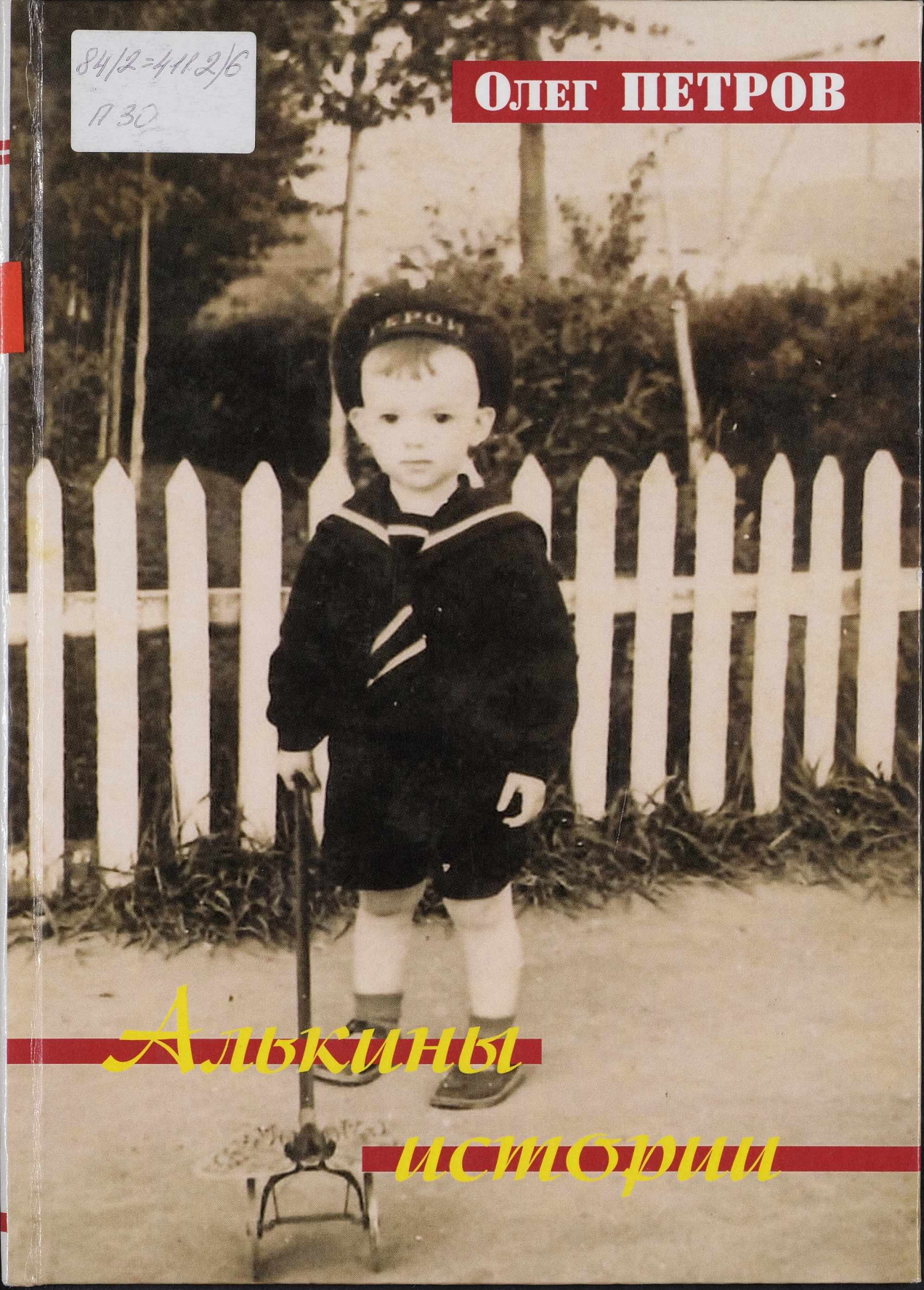

84/2=41.2/6

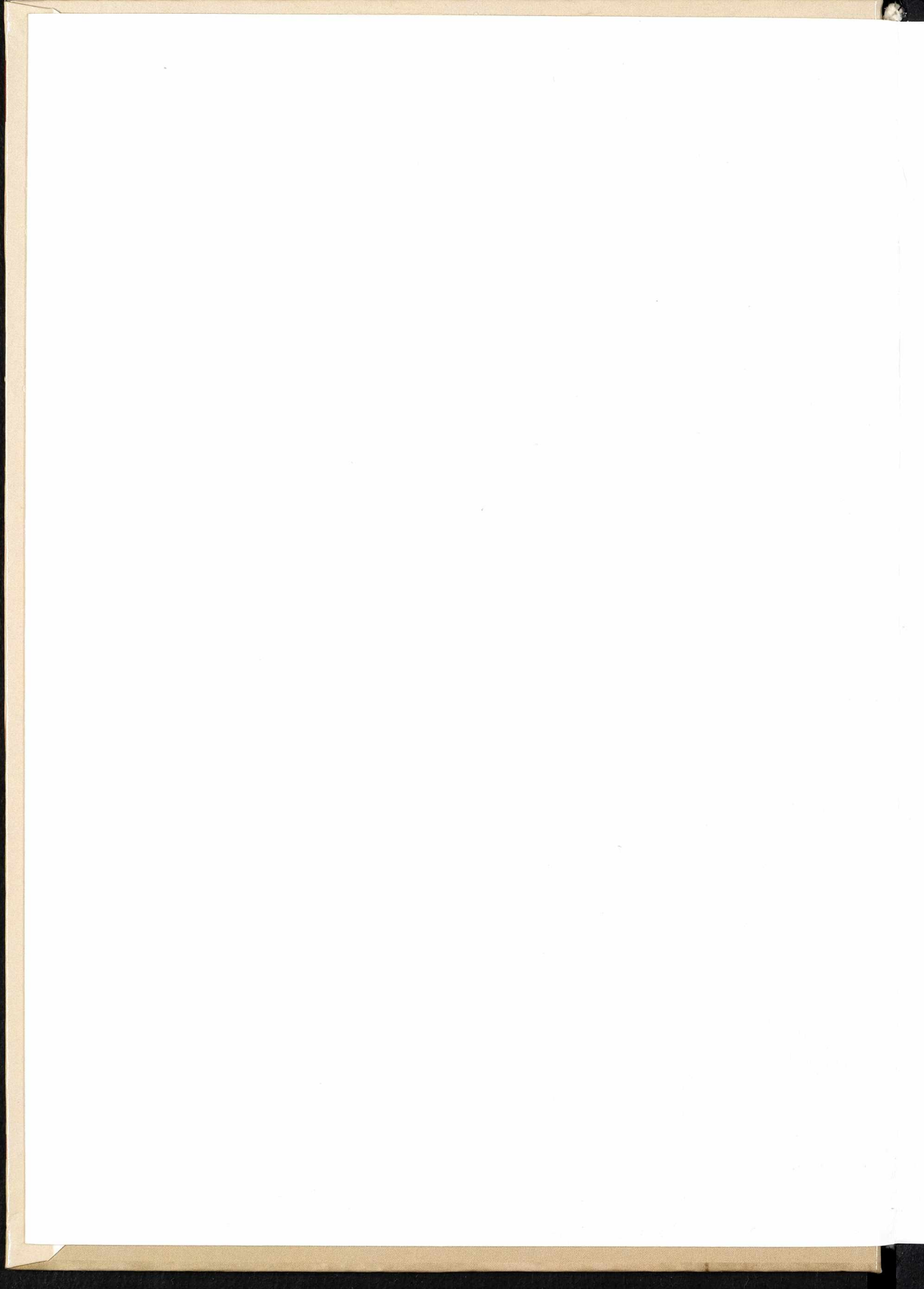
П 30

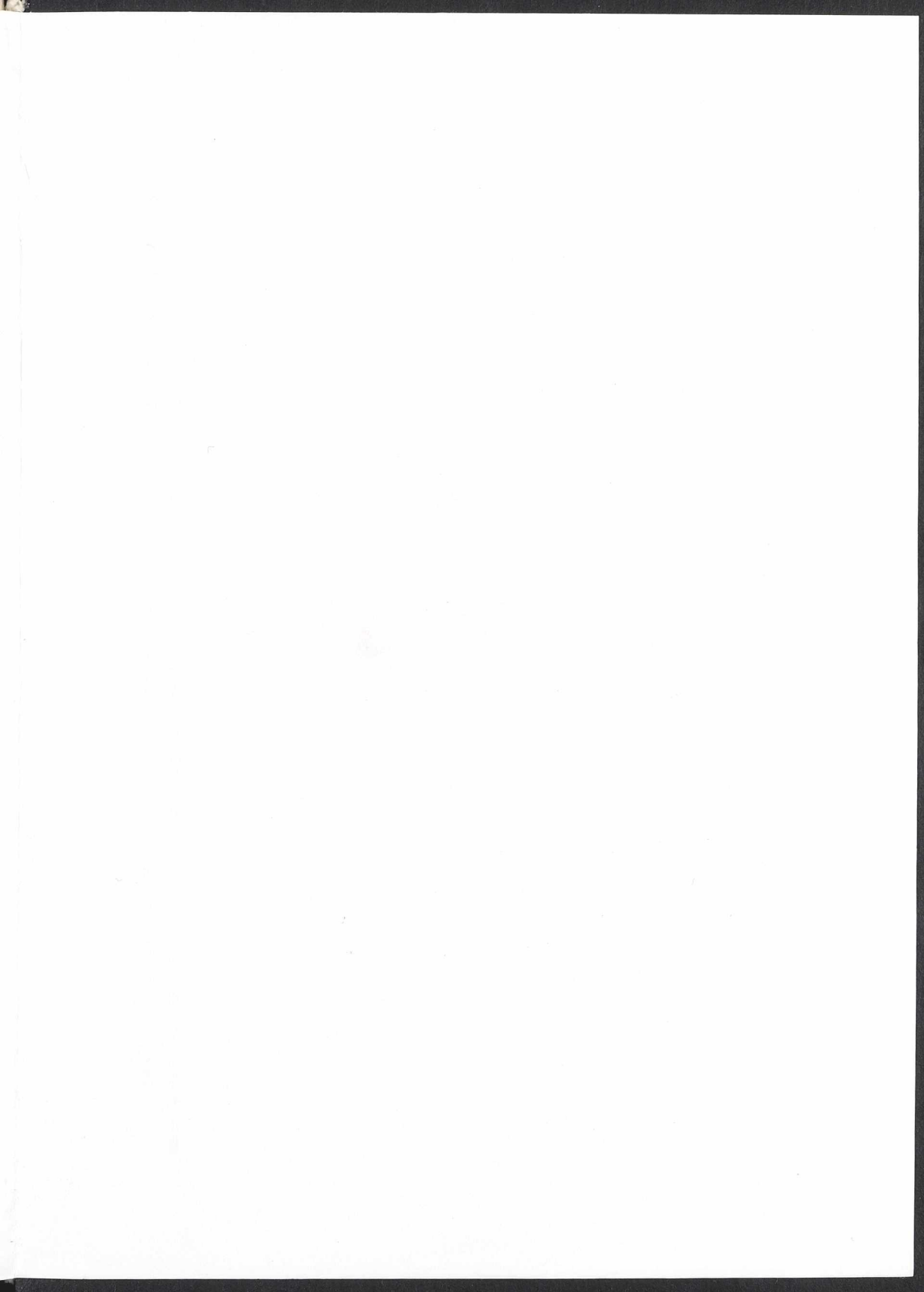
ОЛЕГ ПЕТРОВ

Алькины

истории

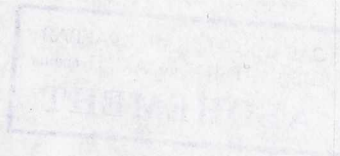

ОЛЕГ ПЕТРОВ

Моим родителям

**АЛФАВИТ
ИСТОРИИ**

Повесть

К 84 + 84/2 = 411.2/6-44

П 30

УДК 821.161.1

ББК 84 (2=411.2) 6 - 44

П 30

П 30 **Алькины истории.** Олег Петров. – Повесть. – Чита: ООО «Читинская городская типография». – 2018 г. – 158 с.

ISBN 978-5-906307-35-4

ЭК

УДК 821.161.1

ББК 84 (2=411.2) 6 - 44

8022

- 575611 -

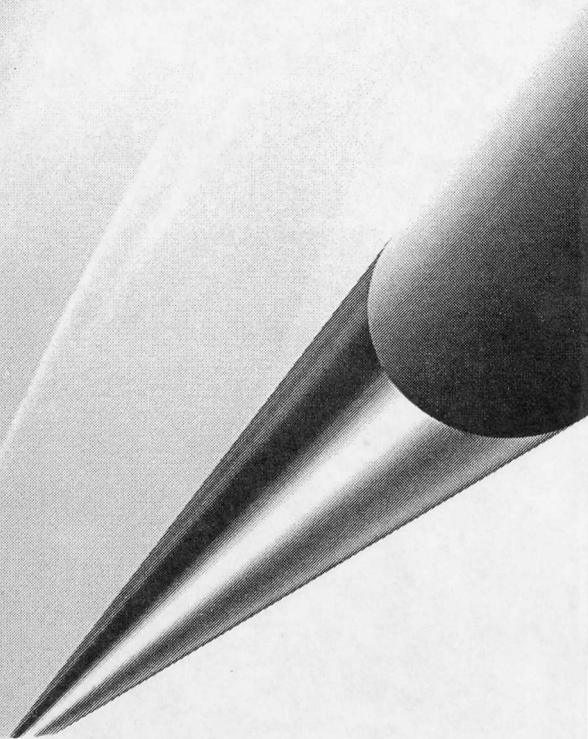

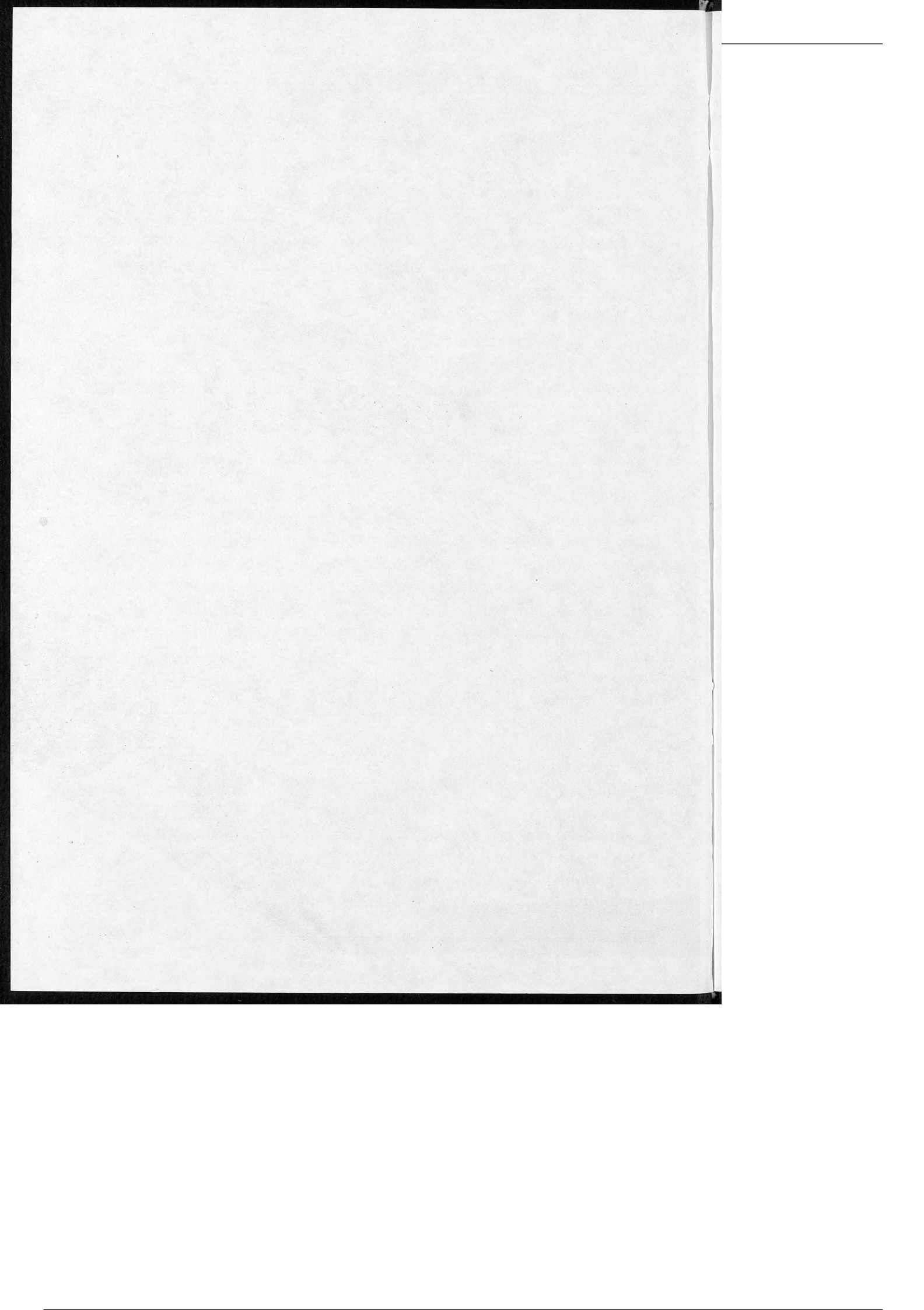
@ Олег Петров, 2018 г.

@ ООО «Читинская городская типография», 2018 г.

ЧАСТЬ I

ПОСЕЛОК

Жил-был Алька.

Вот так, без затей, и начнём.

Алька – обыкновенный. Вот только родился в необычном месте. В военном госпитале, а не в роддоме. Но и это объясняется просто. Дело в том, что папа у Альки – военный лётчик. И живёт Алькина семья – папа, мама и Алька – в таёжном военном гарнизоне: аэродром с самолётами и жилой посёлок при нём. Где-то за лесом есть обыкновенный гражданский городок, который все взрослые называют райцентром, но туда надо ехать на машине. Алька ездил туда один раз. И ничего там особенного. Разве что там дома есть в несколько этажей, где живут люди, чего в Алькином гарнизоне нет. Здесь все дома в один этаж и одинаковые – на две половинки. Вот, например, Алькин дом. В одной половинке Алька с родителями живёт и умная овчарка Пальма, а в другой половинке – Алькин друг-приятель Витька со своими папой и мамой. У них собаки нет, но зато есть куры, которых Пальма любит гонять. Это она с ними играет, а куры – дуры: не понимают этого. Кудахчат и суматошно мечутся по двору. И Витькина мама Алькиной маме кричит:

– Лена-а! Угони своего волкодава! У меня же с испуга куры нестись перестанут!

И ничего они нестись не перестают! Витькина мама, тётя Вера, всегда Алькиной маме приносит чашку с яичками, вот и вчера принесла. А Пальма никакой не волкодав. Во-первых, Пальма – она, а не он, а волкодав – это он. А во-вторых, в округе ни

каких волков не водится, хотя, если бы они водились, а тем более, сунулись бы в посёлок, то уж Пальма бы им устроила! Это она только Альке позволяет себя за язык хватать, — терпит,

Алька и Витька (слева) во дворе.

потому что понимает, что Алька ещё маленький, а с мальчиша чего возьмёшь, к тому же, с ним играть надо, ну и охранять его, само собой. И охраняет! Попробуй кто-нибудь во двор сунься — так зарычит, такие клыки покажет! Вон в книжке про трёх поросят волк нарисован, который их домики раздувал, — смехота, а не волк — против Пальмы! Если бы у трёх поросят была Пальма, то все бы их домики были целы, а не только каменный. И никто бы не съел маленьких козлят и бабушку с Красной Шапочкой! Но это уже из других сказок. Да и вообще,

одно дело сказки, а другое — настоящая Пальма. Во двор она только Алькиных друзей запускает — Витьку и Светку. А остальных людей — это если папа или мама разрешат. А вот если Алька Пальме приказывает кого-нибудь во двор пустить — она и ухом не ведёт! Тут она Альке чётко показывает, что он ещё маленький и взрослыми собаками командовать не может.

Ну да что мы всё про Пальму да про Пальму. Истории-то наши — про Альку и его друзей.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

ПЕРВАЯ ПОЛЕТ

Начинается эта первая история не очень весело. У Альки заболела мама. Отнялись почему-то ноги, как она сама и сказала строгому врачу в белом халате, который приехал прямо к ним домой на большой зелёной машине с красным крестом на боку, которую папа назвал «таблеткой».

Альке было непонятно: как это у мамы отнялись ноги, если они никуда не делись? И почему большая зелёная машина – таблетка? Таблетки у мамы возле кровати на тумбочке лежат – маленькие, круглые, белые...

Но эти вопросы куда-то улетучились, когда мама, заплакав, обняла и поцеловала Альку, а потом два солдата военных при помощи папы переложили маму с кровати на носилки, вынесли из дома и погрузили в эту самую «таблетку». Машина покатила по улице, а Алька громко зарыдал, прижавшись лбом к оконному стеклу.

– Сына, ты чего? Маму в больнице полечат немного, и скоро она снова будет дома, – снял с подоконника и усадил к себе на колени Альку вернувшийся с улицы папа. – А зато мы с тобой завтра вместе поедem на аэродром.

Тут у Альки и слёзы мигom просохли. На аэродром! Да туда же детей вовсе не пускают! А может, это папа нарочно обещает, чтобы Алька сейчас не плакал? Но папа никогда не обманывает. И всё-таки Алька глянул на него недоверчиво.

– Даже не сомневайся! – твёрдо сказал папа, уловив этот Алькин взгляд. – Вот сейчас мы с тобой книжку читаем, потом у

нас по распорядку дня ужин, вечерняя прогулка и – отбой. Завтра встаём рано – служба!

Утро полетело стремительно. Алька даже на редкость тщательно вычистил зубы противным зубным порошком и с таким же редким энтузиазмом орудовал ложкой в большой тарелке с супом. Картина невиданная, потому как даже мама не могла уговорить есть утром свежесваренную манную кашу, а тут вчерашний суп с вермишельками. Но папа поступил по-честному: вылил суп в огромную тарелку и положил поперёк тарелки столовый нож.

– Заправляемся поровну. Это твоя половина супа, а это моя.

Так в две ложки тарелку и опустошили.

А потом на зелёном автобусе, битком набитом лётчиками в скрипящих коричневых кожаных куртках, Алька поехал на аэродром.

– Ларионыч, а пацана что, на подмогу взял, не справляешься? – хохотнул один из лётчиков, дядя Дима, папа Алькиного дружка-соседа Витьки.

– Да Лену вчера в госпиталь положили. Кабы твои в город не укатили, то Вере твоей оставил бы. А тут ситуация... сам понимаешь.

– Ларионыч, ты его в учебном классе пристрой, да пусть он оттуда не высовывается: сегодня Горыныч в руководителях полётов, – сказал кто-то из лётчиков.

Чудеса! Для Альки аэродром-то представлялся чем-то неведомым, как тридевятое царство, а тут ещё и Горыныч! Холодок пробежал по спине, и сделалось тревожно-тревожно... Но когда за проволочной изгородью забелели огромные самолёты, тревожные мураши Альку покинули, и всё внутри стало наполняться восторгом.

Автобус подкатил к высокой башне, верх которой сверкал на солнце сплошными огромными окнами. Папа взял Альку за руку и повёл к дверям в башню. Там из тёмного коридорчика

они прошли к другим дверям и очутились в просторной светлой комнате.

– Вот это, сына, наш учебный класс, – сказал папа. – Здесь лётчики готовятся к полётам. Вот, видишь, тут стенды, плакаты и даже вот такие маленькие самолётики, – папа взял один маленький самолётик и протянул Альке, – которые тоже помогают лётчикам умело летать.

– А как они помогают? – спросил Алька, бережно принимая обеими руками деревянный самолётик.

– Пилоты берут эти самолётики и проигрывают предстоящий полёт на земле. Ходят с самолётиками и запоминают, где и как им в небе поворачивать, как рядом друг с другом лететь. Мудрёно объясняю? А вот погоди, скоро сам увидишь, – засмеялся папа. – Ты пока тут посиди, поиграй, а я скоро приду.

– А Горыныч... – заикнулся Алька.

– Не бойсь! – засмеялся папа. – Никакого Змея Горыныча тут нет! Это мы так в шутку командира своего называем. Он – дядька суровый и строгий, но никаким огнём не пышет. Вот вы же друг дружке всякие прозвища придумываете?

– Мы – дети, – назидательно проговорил Алька.

– Эх, Алька... Лётчики – это тоже дети, только большие, – папа взъерошил Альке чубчик и ушёл.

Сколько прошло времени, откуда Альке знать. Папа всё не приходил, и Альке стало скучно сидеть в этом самом учебном классе. И в самолётики играть надоело. Он в них и дома мог наиграться. К тому же, дома у Альки самолётов полно, и они куда красивее, чем эти военные игрушки для взрослых. Вот то ли дело настоящие бомбовозы, которые из окна видны!

И немного помедлив, Алька осторожно приоткрыл дверь, опасливо выглянул в тёмный коридорчик. Коридорчик оказался не таким уж и тёмным. Наверное, потому, что входные двери были распахнуты, запуская в коридорчик пахнувший солнышком

ветерок. В дверном проёме внизу была видна тонкая полоска зелёной травки, а все остальное занимало ярко-синее летнее небо, безо всяких там барашков-облачков.

Алька протопал по коридорчику к выходу, постоял в дверях, жмурясь от яркого солнца, а потом ступил на травку и огляделся. Ничего особенного здесь. А вот что там, за углом? Несколько шагов вдоль стены и – ух ты! Громада настоящего самолёта – рукой подать! Ну, это взрослые так говорят, когда хотят сказать, что близко.

Самолётище, конечно, не у самой башни стоит, но и вправду близко. И никаких взрослых дядей-лётчиков около него Алька не заметил. Стоит себе большущий самолёт один-единёшенек. Наверху большая стеклянная кабина открыта, и туда железная лестница снизу пристроена. И под брюхом самолёта – тоже лесенка.

Алька подумал и решился. Он же только посмотрит и ничего трогать не будет. С этим твёрдым обещанием самому себе он и двинулся по высокой траве к самолёту, согнувшись в три погибели и втянув голову в плечи. Ему даже казалось, что уши у него, как у Светкиной кошки Маруськи, тоже повернулись назад, и вот-вот за спиной раздастся строгий и громкий окрик: «А это мы куда нацелились?! А ну-ка, стой!». Но только в траве верещали кузнечики, отпрыгивая от Алькиных сандалий, да в груди гулко стучало сердчишко.

Самолёт вблизи оказался ещё громаднее!

Алька опасливо ступил на серые бетонные плиты, осторожно обошёл здоровенное чёрное колесо и – буквально на цыпочках! – подкрался к той самой лесенке, которая вела в самолётное брюхо. Только тут Алька перевёл дух. Всю дорогу от башни до самолёта словно и не дышал вовсе.

Уши, казалось, стали в два раза больше, но вокруг звенела тишина, если не считать кузнечиков и какое-то далёкое, наверное, где-то там, на другом краю бесконечного аэродрома, толстое гудение.

Алька присел на корточки и выглянул вполглаза из-за чёрного бегемота-колеса. Не-а, огромные окна башни отсюда не видны! И колесо, и широченное длинное крыло всё закрывают. Значит, и Альку с башни не видят! И почему бы в таком случае не заглянуть вовнутрь?

Алька шагнул к лесенке, ощущая, как всё внутри наполняется богатырской храбростью. У первой ступеньки ещё раз напрыг уши и, сопя, полез вверх. Заминка случилась только на самой последней, верхней перекладеньке лестницы: ну никак не для четырёхлетнего верхолаза эта железная лесенка была сделана. Пришлось, судорожно вцепившись обеими руками в железный бортик, затаскивать себя вовнутрь, в густо пахнущую духотой темноту.

Отдышавшись, Алька глянул из люка вниз и с ужасом сообразил, что обратно он ни за что не слезет! И сразу вспомнил кошку Маруську, которая однажды забралась, гоня голубей, на высоченный тополь, а потом истошно мяукала там до тех пор, пока Светкин папа, дядя Миша, не залез следом и не снял её оттуда. А ведь у кошки четыре лапы с когтищами!

Алька хотел заплакать, отчаянно оглядываясь вокруг, но тут увидел ряд зелёных и красных лампочек. Много света они не давали, его больше шло снизу, из раскрытого люка. Да и глаза уже к темноте стали привыкать. Вот и лампочки горят, оказывается, на большом ящике, а за ним – ещё один ящик, и там тоже светятся лампочки, но жёлтые. За ящиком с жёлтыми лампочками виднелось вообще что-то диковинное, и Алька, стора от любопытства, тут же забыл про слёзы и пополз туда на четвереньках.

Вдруг снизу послышались голоса, громыкнуло железо, потом – ещё и ещё раз. Потом загремело где-то сбоку и наверху...

А потом вдруг раздалось громкое шипение, тут же сменившееся закладывающим уши свистом и – раздался такой рёв, что Алька инстинктивно вжался, ошалев от страха, между двумя

этими ящиками с лампочками. А рёв нарастал и нарастал, вместе со зловещей дрожью. Дрожало всё вокруг: ящики с лампочками, железный пол, воздух. И Альку эта дрожь пронизывала насквозь, да так сильно, что заклацали зубы. Алька заревел во весь голос, совершенно ничего не слыша. Рванулся, было, обратно к люку, но тут со страшным скрежещущим звуком белеющие полусветом створки люка поползли вверх и, громко лязгнув, весь полусвет отсекали напрочь. Рёв, свист, трясучка – и полная темень!

Алька уже не рыдал, а орал, ничего не соображая. И вдруг ощутил, что самолёт дрогнул и – поехал!

Алька несколько раз в исступлении ударил кулачками по рифлёному железному полу, куда во всей этой трясучке сполз окончательно, но самолёту, конечно же, было хоть бы хны. Он ехал и ехал, с оглушительным рёвом и свистом, который, как ни с того, ни с сего вдруг пришло Альке в голову, сбросил бы с дремучего дуба и самого Соловья-разбойника. И Алька перестал рыдать и орать. Силы иссякли, слёзы тоже.

А самолёт вдруг, вроде бы, как повернул и замер. Сейчас всё это закончится, и он, Алька, окажется снаружи; папа вытащит его из этого свиста-рёва на травку, к кузнечикам...

Примерно так Алька подумал, но вместо этого самолёт заревел ещё оглушительнее. Неведомая сила вдавила Альку в щель между железными ящиками, и самолёт снова поехал. Быстро-быстро, всё сильнее и сильнее вдавливая Альку в узкую щель, всё больше и больше трясясь и завывая.

А потом вдруг – раз! – и трясучки не стало. Нет, она осталась, но какая-то нестрашная, перемешанная с неведомым ощущением непонятной лёгкости, – могучая невидимая лапа, только что неумолимо втискивавшая Альку в щель между ящиками, исчезла!

Страх никуда не делся, но захотелось дышать, дышать! Алька сидел на подрагивающем железном полу и широко раскры-

---

тым ртом заглатывал воздух. «Сейчас всё это закончится...», — снова подумалось Альке, но тут самолёт вдруг резко наклонился, от чего Алька больно ударился о железный ящик с желтыми лампочками. Только тут до Альки дошло, что он летит, что самолёт не на земле, а в небе!

Но тут окружающая темнота снова взвыла-заревела, из неё на Альку опять навалилась невидимая сильная лапа, прижимая к железному полу. Потом заложило уши, потом самолёт ударился, подбрасывая скорченного Альку, и — покатился. По земле покатился, как раньше, с оглушительным рёвом-свистом и трясучкой...

А потом всё так и оказалось, как Альке хотелось. И люк открылся, и папа появился с фонариком в руках:

— Сына! Сына! Да как же ты... Испугался? Где болит? — Крепко прижал к себе Альку и соскользнул с ним по лесенке вниз, к зелёной траве, на солнышко.

Вот тут-то Альку снова и прорвало на рыдания-слёзы и оглушительный ор. Папа наговаривал ему что-то успокаивающее, качая на руках, а какой-то дядька, топорща рыжие усы и тараша круглые, как у совы, глазища, махал рядом руками и вопил, обращаясь к Алькиному папе:

— Ты как, старлей, додумался пацана на пуп приволочь?! На пуп!!

Алька реветь перестал. Наверное, опять же, по причине своего вечного любопытства. Всхлипывая, покрутил головёнкой. Какой «пуп», где «пуп»? Лётчиков вокруг собралась целая куча, но все в куртках. И никто пупом не светит, как говорит мама, когда Альку купает. Пуп вообще не светит, это такая ямочка на животе у всех людей.

Вскоре Алька с папой оказались дома. Не отпуская Альку с рук, папа уселся посреди комнаты на табуретку и весело сказал:

— Ну, теперь, сына, проблемы нет. Целых десять дней будем с тобой домовничать. А там, глядишь, к нам и бабушка приедет. А потом и маму из больницы выпишут.

Это была демоверсия книги - Петров О.Г. Алькины истории: повесть

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34